

Мод Ланнен

(Maud Lannen) — хореограф и танцовщица, выпускница Университета Ноттингема (теория изящных искусств) и Голдсмитского университета (практика перформанса).

Роджер Смит

(Roger Smith) — почетный лектор по истории науки в Ланкастерском университете (Великобритания), почетный член Института философии РАН. Автор книг «История психологии» (2007), «История гуманитарных наук» (2007), «Быть человеком: историческое знание и сотворение человеческой природы» (2014), «Чувство движения: интеллектуальная история» (2021).

(Пере) ОСМЫСЛЯ ТАНЕЦ.

**Размышления о тактильности,
общении и встречах
в эпоху пандемии,
или Разговор, который
иначе бы не состоялся**

Пролог

3 марта 2021 года хореограф и исследователь Мод Ланнен представила на международной междисциплинарной Лаборатории творческих исследований перформанса (PeARL) свою диссертацию «Переживание тактильности материнства» (Per-forming the Haptic Maternal). Когда Мод предложила слушателям задать вопросы, повисла тишина. Этот случай стал поводом задуматься о коммуникации в Zoom, английском

Ил. 1

Роджер в Шувее, Россия

языке как универсальном, общепонятном средстве общения для жителей разных стран, специфике языка различных дисциплин и других причинах, которые в тот вечер могли воспрепятствовать диалогу и/или пониманию. Кроме того, происшедшее неожиданно побудило Роджера Смита, специалиста по истории психологии и одного из участников ReARL, написать Мод, а Мод — ответить ему. Из обоюдного жеста выросла электронная переписка, продолжающаяся по сей день, — разговор о Zoom, дистанциях, отсутствии и эстетике. Погружаясь в этот разговор, мы глазами и мыслями пробегаем страницу на экране. Перед нами попытка задуматься о новом взгляде на то, что означает присутствовать, встречаться и общаться в контексте ReARL, танца и не только, а в конечном счете — беседа о том, что такое касание и чем оно может быть в большей частью *неуловимом* до пандемии COVID-19 смысле.

Перед читателем диалог ученого (еще Роджер любительски занимается танцами и пишет романы) и художника/хореографа-исследователя. Оба писали об осязании, пусть и в рамках разных научных традиций. Конференция Лаборатории творческих исследований перформанса, состоявшаяся в июне 2021 года, открыла простор для художественного эксперимента — возможность (пере)открыть электронные письма и превратить их в импровизацию, в хореографическую постановку, во вдумчивую работу со звуком в танце и перформансе, иначе подойти к общению и встречам. Специальный выпуск журнала «Теория моды: одежда, тело, культура», посвященный тактильности, дает авторам еще одну возможность такого эксперимента — перевести созданный для конференции видеоперформанс на язык хореографического письма (или текста-перформанса).

Часть I. О встрече

Дорогая Мод,
так странно отправлять первое голосовое сообщение. Мы ведь даже не встречались.

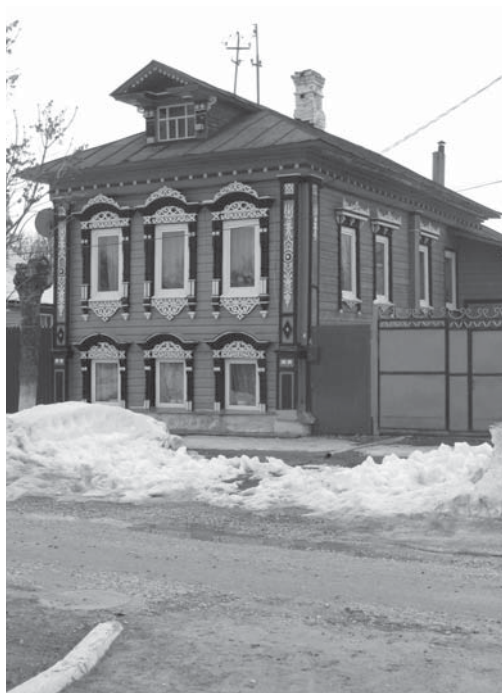
Да.

Мы не встречались.

Мы слышали речь друг друга. Я видел ваше лицо, видел, как внимательно вы слушаете. Мы зачитывали достаточно сложные тексты, написанные каждым из нас. Мы чем-то поделились друг с другом. Но мы не встречались. Или встречались? Как вы думаете? Может быть, другие скажут, что мы встретились, потому что они привыкли считать встречами общение онлайн, а я нет?

Мы обменялись довольно сложными мыслями — по скайпу или когда слушали доклады друг друга. Но для меня встреча означает физическое присутствие. Почему? Почему у меня такие старомодные представления, когда люди постоянно устраивают встречи в соцсетях? По крайней мере, они называют это встречей. Я же говорю, что никакой встречи не было. Но ведь коронавирус не дал нам встретиться очно. Зато, как часто можно услышать, сколько разноплановых новых способов общения у нас появилось — конечно, речь не о физическом, а о метафорическом контакте. Так почему же для меня по-прежнему важно физическое присутствие? Попробую объяснить вкратце. Я скажу в общих чертах, но, когда обобщаешь, вероятнее, что каждый как-то откликнется, подумает — согласен он со мной или нет?

Во-первых, личные встречи — привычка, обычай. Именно их я имею в виду, когда говорю, что с кем-то встретился. То есть личная

Ил. 2.3

Шуя, Россия
(снято во время
поездки Роджера)

встреча — часть моей идентичности. Соглашаясь на онлайн-общение, я меняю свою идентичность. И, думаю, очевидно, что коронавирус оказал влияние на идентичность многих людей. Изменения идентичности связаны с тем, что нет ни физического присутствия, ни телесного контакта.

Вторая мысль тоже очень общая. Модель отношений с другим человеком восходит к связи ребенка с матерью. Я имею в виду самое элементарное — состояние плода в материнской утробе. И появление на свет благодаря усилиям матери, и первые минуты рядом с ней. Эти отношения основаны на физическом контакте, на близости физического присутствия. И мне кажется, что они задают модель всех остальных отношений. Эта модель изначально заложена в каждом из нас, явлена практически всем, пусть даже в будущем что-то изменится. Она определяется не только физическим контактом, но и доверием. Отношения предполагают развитие моральной составляющей — доверия. Поэтому для меня личные встречи — привычный способ выстраивать доверительные отношения. Но вот у нас с вами сложились доверительные отношения — а они ведь сложились, Мод, — без физического присутствия друг друга. И все-таки для меня это отступление от привычного образа действий. Наконец, третья, тоже очень общая, мысль, которую я хочу сформулировать,

состоит в том, что физическое присутствие, на мой взгляд, ничем не опосредовано. Это прямой контакт. А когда мы прибегаем к разным средствам коммуникации, то и общение получается опосредованным. И посредник, будь то некто или нечто, вклинивается в политику отношений — политику в широком смысле. Некоторые приносят такое посредничество. Они считают, что оно раздвигает горизонты. А других оно угнетает. Конечно, те и другие могут быть по-своему правы. Но надо сказать кое-что о разнице между опосредованным и непосредственным общением, раздвигающим социальные горизонты нашей хореографии.

Думаю, пока я на этом остановлюсь. Как вы думаете? Встречались ли мы? Встречались ли с нами другие люди, участвовавшие в ReARL? Встречаемся ли мы вообще теперь с другими?

В следующий раз я отвечу вам, но добавлю еще кое-что об общении. Но пока, Мод, на этом всё.

Берегите себя. До скорого!

Роджер

Дорогой Роджер,

как удивительно получить от вас первое голосовое сообщение и какой неожиданный подарок — весь наш разговор.

Вы спрашиваете: «Встречались ли мы?»

Я бы задала вопрос иначе: как мы могли встретиться и уже встречаемся?

Можно предположить, что для встречи необходимо, чтобы все ее участники сначала «сошлись» относительно ее условий: даты, времени, продолжительности. Все эти условия сопряжены с физическими обстоятельствами, неотделимыми и от виртуального события. Чтобы совместно работать над этим проектом, нам тоже необходимо было встретиться: объединиться, прийти к согласию относительно некоторых (не всех) вопросов — встретиться, преодолевая наше несходство, границы разных дисциплин, языковые барьеры, часовые пояса, географические расстояния, разницу поколений, непохожесть культурного и исторического наследия. Буквально преодолевая пространство и время.

Но встретиться — значит прежде всего собраться вместе, стимулировать контакт

Ил. 4

Ноттингем,
Великобритания
(фотография
сделана
неподалеку
от дома, где
живет Мод)

Ил. 5 (слева)
Ноттингем,
Великобритания
(фотография
сделана
неподалеку
от дома, где
живет Мод)

Ил. 6 (справа)
Ноттингем,
Великобритания
(фотография
сделана Мод
у себя дома)

и общение, добиться этого совместными усилиями, импровизировать в рамках заданной хореографической структуры. Эти попытки несовершенны? Да, конечно. Но я бы сказала, что любопытна сама их направленность, непривычная и заставляющая задуматься. Еще они требуют внимания.

Можно по-разному рассказывать об отношениях матери и ребенка, и всегда это будут какие-то истории, вымысел, в правдивости которого мы себя уверяем. Сейчас мы с вами тоже в каком-то смысле заняты рассказыванием историй. Мы нашли пространство для творческого движения, рефлексии, созидания и обмена. Язык, по словам Нгути Ва Тхионго, воплощает жизнь и культуру. Язык, пишет он, опосредует само мое бытие (Thiong'o 2005).

Вы говорите, что физический контакт — необходимое условие любой встречи, что в нем проявляется проблематика, связанная с доверием: когда мы ценим прикосновение, откуда его ждем, кто и как прикасается к нам. Вопросы о согласии, активной вовлеченности и автономности при контакте по-прежнему важны как в виртуальном, так и в реальном мире. Можно спросить: что дает физический контакт и присутствие? Зачем нужно, чтобы наши руки соприкасались при рукопожатии? Свойственна ли телесному прикосновению и физическому присутствию некая объективность?

Кроме того, встреча задействует нашу способность устанавливать и поддерживать контакты с людьми в меняющемся контексте и в разных обстоятельствах. Подавленность, вызванная отсутствием, удручающей необходимостью общаться через Zoom и обязательным использованием английского языка, интересна — и мне интересно о ней размышлять. Она порождает лакуны, усложняет взаимодействие. Можно воспринимать эти лакуны как крушение иллюзий: они обнажают различия между нами и дают нам шанс отстаивать их. Они

напоминают, сколько кропотливого труда и усилий требуется, чтобы поддерживать контакт и продолжать общаться. На этом я закончу и буду ждать вашего ответа.

До связи,
Мод

Часть II. Об общении

Дорогая Мод,

да-да, мне нравится быть внимательным. И я сердечно благодарю вас за то, что вы так внимательно слушали мое сообщение. Я в очередной раз удивлен. Такое чувство, будто я заворачиваю за угол в незнакомом месте. Нельзя угадать, что там, за углом. Но что-то открывается — нечто являет себя и одновременно открывает горизонты. Вы берете слово «встреча», которое, хотел сказать я, неприменимо к нам, потому что у нас встречи не было, и превращает его в «общение». А это касается чего-то гораздо более важного. Чего-то объясняющего, почему я с самого начала вам написал. И почему — как мне кажется — мы стали отвечать друг другу. PeARL, наша лаборатория, несет новый для меня тип общения. Она открывает возможности. Открывает новые начала. Приводит меня в новые закоулки. И конечно, именно благодаря медиа, хотя я и начал с негативной их характеристики, в том числе и благодаря Zoom, который мы использовали для PeARL. Но медиа бывают разными. И медиа не помогут общению, если в нем нет как минимум двух внимательных участников. Двух или больше сторон, использующих этот канал коммуникации. Не односторонне, а как

Ил. 7

Кадр из музыкального перформанса «Гершвин» с участием Роджера (Москва, Россия) и кадр, изображающий занятия Мод в студии (Ноттингем, Великобритания)

некое по определению общее пространство. А чтобы общение состоялось, в нем участвуют разные люди, и мы с вами, Мод, должны признавать право друг друга на вовлеченность — кажется, вы употребили слово «вовлеченность», и думаю, это очень важно: общение невозможно без взаимности. Обе стороны должны обладать правом голоса. Нужно пространство, где каждый ощущал бы, что другие чутко реагируют на его способности, слабые места, своеобразную идентичность, неповторимость. И вы тоже говорите об этом, когда упоминаете о рассказывании историй. Средство, к которому мы прибегаем, чтобы рассказывать, — слова, а акт рассказывания — средство обеспечить совместную вовлеченность. Поэтому голосовое сообщение — попытка выразить эту мысль, добиться совместной вовлеченности благодаря перформансу. На этом я закончу, ведь у нас так мало времени. А время, как и рассказывание, принадлежит к числу явлений, дарующих или отнимающих право на вовлеченность.

Мод, спасибо, что слушаете.

Мне доставляет огромное удовольствие говорить с вами.

Пока!
Роджер

Дорогой Роджер,

для меня общение, как и касание, — человеческая потребность, импульс: оно прорывается изнутри и заставляет нас вырваться за собственные пределы, за рамки привычной обстановки и ситуации. Когда вы записываете голосовые сообщения, они передают ваши мысли о встрече и общении, но вместе с тем транслируют ваше присутствие, физическое состояние, движения.

Умиротворяющие звуки говорят нам, что ваше тело уже соприкасается с хорошо знакомыми всем нам предметами (скрипят стол и стул, вибрирует мобильный телефон, слышно, как вы случайно задеваете рукой клавиатуру). Слова и звуки говорят об отношениях — отношениях с языком и бытовыми предметами, равно как и друг с другом. Отношения вырываются из привычной обстановки. Может быть, мы все вырвемся из нее одновременно? Может быть, мы переосмыслим это движение, этот прорыв к танцу?

Возникает еще вопрос: действительно ли общение проявляется только в обоюдном движении? Из ваших слов как будто следует, что да. Мне вспомнился один разговор с преподавателем психологии: он рассказал о многолетней переписке с человеком, которого называл другом. Но друг ни разу ему не ответил. Тем не менее он был убежден

в реальности связи и общения между ними. Тогда я была совершенно ошарашена. Но предположение, что общение обязательно взаимно, заставляет меня задуматься и о контактах с братом, которые, с тех пор как двадцать пять лет назад я пересехала в Англию, мы почти не поддерживаем. Я так ждала привычных проявлений общения, хотела контакта и близости, но со временем взглянула на наши отношения иначе — теперь я ничего не требую от них, а позволяю им принимать другую форму, не такую привычную и понятную, но не менее реальную. Не исключено, что пандемия побуждает нас к схожим сдвигам в восприятии.

Я согласна, что умение слушать — часть общения, и оно, несомненно, требует внимания. Но можно ли слушать, когда никто не говорит? Каковы временные рамки слушания? Как мы слушаем, когда момент непосредственного взаимодействия миновал? Голосовые сообщения, которые мы с вами отправляем друг другу, заставляют с особой остротой осознать несовпадение временных рамок, но от этого ни наш разговор, ни наше участие в мироздании и его становлении не становятся менее реальными. Электронное письмо, скорее всего, дойдет мгновенно, но, даже если я открою его сразу же, вы за это время наверняка уже подниметесь из-за стола. Я могу послушать ваши слова в удобное для меня время, могу переслушать запись несколько раз, пока не оформится мысль. Проходит время, и, пока я пишу это, вы не замираете в ожидании, пусть даже ритм нашего диалога, почти как при личном общении, уже привычен и отчасти интуитивно уловим... Такие парадоксы влекут меня. Так, может, время, которое требует взаимности, на самом деле отрицает наше право на вовлеченность,

Ил. 8

Кадр
из музыкального
перформанса
«Матюшин»
с участием
Роджера
(Москва,
Россия) и кадр,
изображающий
занятия Мод
в студии
(Ноттингем,
Великобритания)

отрицает уникальные (вы сказали — «своеобразные») характерные для нас модусы понимания и участия, наши разные способности и вкусы?

Хореография, как вы справедливо заметили, ограничена временем, и эти ограничения — источник новых возможностей. Время — наш главный партнер, и его распределение обуславливает моменты, когда мы совпадаем или не совпадаем в его потоке. Если вернуться к случаю, побудившему вас написать мне тогда в марте, я бы сказала, что асинхронность — те самые закоулки, куда мы неожиданно сворачиваем, как вы поэтично это сформулировали, и где мы, если только захотим, сможем раскрыться и где нам откроются новые горизонты! Именно так проявляется наша вовлеченность, когда мы создаем и разрушаем нарративы о том, кто мы и кем хотим стать, чего ждем друг от друга и кем хотим быть для других.

В одном из писем вы сказали: «Само противоречие иногда выливается в творческий импульс». Спасибо вам за необыкновенно вдумчивый и насыщенный разговор. Жду его продолжения.

Берегите себя, дорогой Роджер.

Мод

Дорогой читатель,

Роджер и я от всей души приглашаем вас стать соавтором и одним из участников этого танца. Почему бы вам не импровизировать вместе с нами? Может быть, читая и обдумывая этот текст, вы захотите попробовать поэкспериментировать с модуляциями голоса, скоростью, плавностью речи, интонацией, акцентами, молчанием и паузами — или с разными вариациями каждого из этих параметров.

Что там, за горизонтом?

Искренне ваши,

Мод и Роджер

Перевод с английского Татьяны Пирусской

Литература

Thiong'o 2005 — Thiong'o Ngũgĩ wa. *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. London, UK: James Currey; Nairobi, Kenya: East African Educational Publishers, 2005.